

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ В ОЦЕНОЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Гражданская война была закономерным явлением развития российской государственности особенно для тех ее переходных этапов, когда противоречия между традиционалистским и рациональным типами сознания российского социума достигали своей кульминации. Диапазон ее восприятия был беспредельным, в зависимости от адаптационных способностей каждого к условиям политической нестабильности и экономической непредсказуемости. Поэтому поиски ответов на сущностные проблемы понимания феномена Гражданской войны в России лежат в оценочных характеристиках современников революционных событий начала XX в., которые так или иначе связаны с определением государственной самоидентификации. Исторические источники периода Гражданской войны в России разнообразны по своему характеру: это письменные памятники, устные источники и предания, произведения материальной и художественной культуры. По каким-то вопросам и проблемам этот источниковедческий спектр широк и разнороден, по другим — крайне малочислен. Однако в любом случае, все из возможных источников не воссоздают прошлое как таковое, а скрытая в их глубине информация не является прямой. Для историков и потомков это всего лишь фрагменты утраченной навсегда картины минувшего. А чтобы его восстановить, воссоздать — информацию о прошлом необходимо выявить, расшифровать и проанализировать.

P. Grishanin

UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA IN CONTEMPORARIES' EVALUATIVE CHARACTERISTICS

The Civil War was a regular phenomenon of the Russian nationhood development, especially for its transient stages when contradictions between traditionalistic and rational consciousness types of the Russian society culminated. The range of its perception was unlimited depending on a person's adaptational capacity to the conditions of political instability and economical unpredictability. Therefore search for solutions to the essential problems of understanding the phenomenon of the Civil War in Russia lies in evaluative characteristics of the contemporaries of the revolutionary events, which are anyhow connected with the state self-identification defining. The historical sources of the Civil War period in Russia are various in their nature: writings, oral sources and legends, works of material and artistic culture. This source spectrum is broad and diversified in some problems but extremely scanty in the others. Nevertheless, all possible sources don't reconstruct the past per se in any case, and the information concealed in them is not direct. These are only fragments of the lost picture of the past for historians and descendants. In order to restore it the information should be revealed, decoded and analysed.

Уникальность того или иного исторического события или явления определяется степенью его «вписанности» в процесс исторического развития. С этой точки зрения Гражданская война в России еще долгое время будет предметом жарких споров и многочисленных дискуссий как зарубежных, так и отечественных историков.

Совокупность политических, военных, экономических, социальных потрясений после октябрьского вооруженного переворота в Петрограде в 1917 г., без сомнения, лишь условно можно называть термином Гражданская война. Ни «военная», ни «социальная» его составляющие не могут объяснить главного — братоубийственного характера развития политических событий в России после захвата большевиками власти. При изучении российской истории в период с 1917 по 1920 гг. сложно использовать как «военные», так и «гражданские» схемы анализа развития основных событий и процессов. Они не могут дать исчерпывающего ответа на главный вопрос — почему личная безопасность человека и его выживание были главным мерилом всех ценностей российской государственности в 1917–1920 гг.

Гражданская война была закономерным явлением развития российской государственности особенно для тех ее переходных

этапов, когда противоречия между традиционалистским и рациональным типами сознания российского социума достигали своей кульминации. Диапазон ее восприятия был беспредельным, в зависимости от адаптационных способностей каждого к условиям политической нестабильности и экономической непредсказуемости.

Поэтому поиски ответов на сущностные проблемы понимания феномена Гражданской войны в России лежат в оценочных характеристиках современников революционных событий начала XX в., которые так или иначе связаны с определением государственной самоидентификации. Начало аналитического осмысления как всего комплекса проблем Гражданской войны, так и ее отдельных составляющих компонентов, восходит к самим послеоктябрьским событиям. Первые исторические исследования создавали люди, которые сами были участниками или свидетелями описываемых событий, а потому публицистика доминировала¹.

Для исторической науки начала XX вв. было характерно усиление тенденций к фактологическому описанию, к отказу от общих схем исторического процесса и обобщающих концепций. Теоретико-методологические споры отечественных историков об общественном прогрессе все

больше соприкасались с исследованиями по теории исторического познания с акцентированием внимания на изучении способов познания исторического процесса. Заметен был гносеологический подход к пониманию исторического факта и его места в историческом познании. Политические и философские убеждения историков находили отражение в собственно исторических концепциях. Исследователи, испытывавшие на себе влияние позитивизма (П. Н. Миллюков), сомневались в возможности проникновения в сущность исторических явлений и выяснения причин возникновения тех или иных исторических тенденций. Последователи же эмпириокритицизма (Р. Ю. Виппер) не признавали, что исторические факты отражают действительность, и отдавали предпочтение собственным представлениям и ощущениям. А представители риккерттианства (А. С. Лаппо-Данилевский) отрицали за наукой всякую возможность раскрывать общие законы исторического развития².

Все это свидетельствовало о трансформации исторической науки начала XX в. с учетом социально-политических запросов изменявшегося российского общества. Саму же постановку проблемы о кризисе исторической науки в обозначенный период ряд современных исследователей, в том числе, например, и А. А. Искандеров считает искусственной³. Кризисность так называемой буржуазной историографии начала XX в., о которой так много в свое время писали советские исследователи, была идеологически придуманной. Соглашаясь с точкой зрения А.Л.Шапиро, сформулированной отечественным историографом еще в 1993 г., это «вряд ли соответствует современному пониманию и осмыслению развития в России исторической науки»⁴.

Несмотря на сохраняющуюся дискуссионную напряженность, современные исследователи все больше склоняются к мысли о том, что историческая наука на рубеже XIX – XX вв. переживала период согласования научных идей и концепций. С. П.

Рамазанов в своей работе называет его «методологическим кризисом», который не столь широко охватывал научное сообщество⁵. Известный отечественный историограф В. П. Корзун считает, что «кризис науки – это явление не только закономерное, но и плодотворное, отмеченное небывалым интеллектуальным напряжением». В основе развития исторической науки в обозначенный период лежали онтологические (изменение физического и антропологического бытия), гносеологические (многообразие инновационных исторических концепций), аксиологические и мировоззренческие изменения идеала научного знания и возрождение мировоззренческих религиозных основ) процессы трансформации научного знания, происходившие под влиянием социокультурных реалий этого периода⁶. Поддерживая позиции авторов коллективной монографии «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки» под редакцией Э. И. Колчинского⁷, Корзун убеждена в том, что кризис историзма рубежа XIX – XX вв. был внутренним кризисом исторической науки и совпал с социальными потрясениями, которые привели к серьезной трансформации как научного сообщества, так и образа исторической науки в целом⁸.

В принципе, исторические источники периода Гражданской войны в России разнообразны по своему характеру: это письменные памятники, устные источники и предания, произведения материальной и художественной культуры. По каким-то вопросам и проблемам этот источниковедческий спектр широк и разнороден, по другим – крайне малочислен. Однако в любом случае, все из возможных источников не воссоздают прошлое как таковое, а скрытая в их глубине информация не является прямой. Для историков и потомков это всего лишь фрагменты утраченной навсегда картины минувшего. А чтобы его восстановить, воссоздать – информацию о прошлом необходимо выявить, расшифровать и проанализировать⁹. А, следовательно-

но, и познание прошлого — это ничто иное, как процедура его реконструкции, воссоздания. Поэтому атмосфера социокультурного кризиса, следствием которого была Гражданская война, остро ставит проблему достоверности солидного документального массива, имеющегося в распоряжении современного исследователя. При этом нельзя забывать и той специфики политической культуры в России в революционное лихолетье первой трети XX в., когда сознание человека оперировало особым, только этому времени присущим набором категориального аппарата, применяемого для оценки происходящего. «Словом “контрреволюция” сейчас безобразно злоупотребляют, — констатировал Н. А. Бердяев в своей знаменитой работе «Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг.», — Контрреволюционным называют всякое мнение, которое не нравится, не совпадает с той или иной социальной доктриной... Революционными признают лишь трафаретные мысли, лишь стадные мысли. Контрреволюцией назовут всякое обеспечение свободы и права, всякое закрепление “завоеваний революции” в новом правопорядке. Эпитетом контрреволюции хотят скомпрометировать несогласное или враждебное мнение и вызвать к нему подозрительное отношение... Злоупотребление словом “контрреволюция” отравило Россию недоверием, подозрительностью и враждой...»¹⁰.

Не секрет, что на современном этапе развития исторического знания и отечественной историографии происходят количественные и качественные изменения источниковедения Гражданской войны и Белого движения в России в рамках пересмотра научных приоритетов. Так, среди тенденций развития новейшего источниковедения можно выделить:

- снятие политико-идеологических ограничений и цензуры;
- расширение доступа к историческим источникам, прежде всего к архивным материалам;

- расширение возможностей использования зарубежных источников информации, включая архивные материалы по российской истории за границей;

- повышение интенсивности научных коммуникаций на основе расширения научных связей, в том числе, открытие доступа к зарубежным архивам, библиотекам, перевод множества научных изданий;

- улучшение технологической базы научных коммуникаций, развитие информационных технологий;

- рост возможностей публикации научных результатов.

Эта новая общая ситуация делает возможным действительно научное изучение прошлого. Сами источниковедческие возможности расширены, во-первых, за счет расширения самого предмета изучения. Во-вторых, за счет большей доступности архивных исторических источников. В-третьих, за счет использования новых теоретических моделей и соответствующих им методов. И в связи с этими важнейшими тенденциями необходимо выделить активное использование источников личного происхождения периода, относящихся к событиям Гражданской войны в России. И самыми интересными и одновременно крайне сложными являются материалы личного происхождения (дневники, мемуары, переписка и пр.) участников и современников Гражданской войны.

Увы, но историческое доверие является продуктом не телепатии или спиритизма, а так называемой разумной экономии. Как известно, историк устанавливает достоверность подобного рода источника, сравнивая с другими записями, проверяет надежность и добросовестность свидетеля. Отсюда проистекает активное неприятие искажений и извращений исторической критикой, равно как и ее приверженность достоверным свидетельствам, а также разделений прочих сведений на недостоверные, вероятные, весьма вероятные, что могут иногда пойти в ход за неимением более надежных.

Выяснив происхождение или природу «достоверных» свидетельств, исследователь получает ответ и на вопрос об их предназначении. Оно, разумеется, заключается не в том, чтобы создавать или подменять подлинную историю, а в том, чтобы сохранить для потомков даже малозначительные подробности. С другой стороны, такого рода свидетельства — стимул покопаться в самих себе, дополнение к тому, что можно обнаружить в результате этих размышлений и самоанализа.

Так как факт является историческим в той мере, в какой он осмыслен, и так как ничто не существует вне мысли, вопрос, какие факты являются историческими, а какие нет, не имеет смысла. В этой связи логического критерия отбора документов личного происхождения при изучении Гражданской войны не существует. Критерий состоит в самом отборе, обусловленном, как любое экономическое предприятие, знанием ситуации, практическими и научными нуждами определенного момента. Эти практические соображения нельзя считать объективным качеством фактов. Их разделение на «достойные» и «не достойные» войти в историю, на «исторические» и «неисторические» — это дело воображения исследователя, его лексики и риторики¹¹. Так, В. Н. Сыров отмечает, что «если историей ход вещей становится только в свете финала, то бытие такой истории возможно лишь в тексте и нигде более. Если пресловутый исторический факт создается, то первоначально не факты, а конфигуративные схемы, сознательно или бессознательно применяемые исследователем. Эти обстоятельства заставляют нас изменить приоритеты и вернуться к обсуждению вопросов, которые если ранее и существовали, то на периферии исторического интереса»¹². Так, еще с 1980-х гг. появился взгляд на мемуары XX в. как на массовый источник, предопределивший перспективы их изучения: «Учитывая массовость мемуарной литературы XX в., наилучшим для исследовате-

ля-историка выходом будет не привлечение отдельных воспоминаний и свидетельств. Надо опираться на комплексный подход, группируя содержание различных мемуаров вокруг интересующих исследователя вопросов и пытаться создавать объемное видение того, какими представлялись исторические события современникам и почему менялись их оценки с течением времени»¹³.

В истории Гражданской войны есть проблемы, но нет проблемы выбора между двумя или многими фактами. Незначительные факты — это тоже факты, вернее следы фактов, сведений, документов и памятников, которые следует рассматривать как отдельный класс. Факты же неисторические (или не осмысленные), если поставить рядом с историческими (осмысленными) фактами, позволят более глубоко исследовать те или иные аспекты Гражданской войны.

Последнее обстоятельство особенно важно с учетом тематической специфики почти всех документов личного происхождения. Их составляющими обязательно были:

- выяснение и объяснение причин Гражданской войны именно как национальной катастрофы;
- прогнозирование результатов политического развития, напрямую связанного с военным противостоянием красных и белых;
- поиски аналогичных политических событий во всемирной и отечественной истории;
- оценочные характеристики деятельности того или иного политического деятеля эпохи Гражданской войны;
- идеализация русского народа и его проблем;
- ностальгия «по порядку и законности», довольно часто ассоциируемых с романовской Россией;
- описание повседневных дел и забот.

Почти все материалы личного происхождения несли на себе отпечаток революционной эпохи, характеризующейся крушением прежних стереотипов жизни. Особен-

но в дневниковых записях много пессимизма, безысходности и неопределенности в будущем. Поиски же виновных произошедшего вели к гипертрофии роли отдельного человека в развитии политических событий в России. Почти каждый считал, что он так или иначе причастен к возникновению этой национальной трагедии.

Наряду с этим было немало достаточно рациональных объяснений происшедшего в России в период Гражданской войны. Анализируя причины поражения Белого движения помощник главнокомандующего Северо-Западной армии Н. Н. Юденича генерал-лейтенант А. П. Родзянко в своих мемуарах, написанных в Берлине в мае 1920 г., констатировал: «Мы, русские, должны прежде всего обвинить самих себя: вместо того, чтобы дружно сплотиться для борьбы с большевизмом, представители интеллигенции и буржуазии, способные работать и приносить пользу, разбились на группы и занялись партийными спорами, желая восстановить родину именно по своей программе и тем только ослабляя общие, необходимые для борьбы силы»¹⁴.

Отличительной особенностью так называемых белых мемуаров, написанных их авторами уже в эмиграции, была включенность в контекст работы исследовательского элемента. Можно отметить, что в тот исторический период явно и ярко проявилась тенденция к слиянию мемуарных работ с научной литературой. Нередко воспоминания по аналитичности напоминают исторические и философские исследования. Как индивидуальное, так и общественное в сознании мемуариста-исследователя были неразделимы. И А. И. Деникин, и П. П. Врангель, и А. С. Лукомский, и П. Н. Краснов, и П. Н. Милюков, и П. П. Скоропадский, и П. М. Бермондт-Авалов, и П. Б. Вишняк и многие другие пытались описать теоретико-методологические параметры таких категорий, как «революция», «контрреволюция», «белое движение», стараясь тем самым отойти от классового подхода к оценке происшед-

ших событий. Поднимались общечеловеческие ценности, особенно актуализированные в период трансформационных изменений российской государственности. При этом традиционная для российского сознания дихотомия «свои – чужие» преподносилась в этих работах не столько через призму классовости, сколько через определение виноватых в нарушении традиций развития российской государственности. Весьма показательны в этом отношении характеристики «главных героев» Гражданской войны, которые, например, делает штабс-капитан 2-го дивизиона Артиллерийской бригады Добровольческой армии, служивший затем у П. П. Врангеля в Крыму Э. Н. Гиацинтов¹⁵. Они довольно типичны и созвучны многим другим оценкам:

- *Л. Г. Корнилов* – «нужно отдать ему должное: он любил Россию и жертвовал для нее всем, включая свою жизнь»;
- *А. И. Деникин* – «был яркий представитель нашей либеральной розовой интеллигенции»;
- *М. В. Алексеев* – «это канцелярский военный, профессор военных наук, но и только! Он не обладал тем, чем должен обладать военачальник. Он равнодушно относился к нуждам солдат. Был очень честный, любил Россию»;
- *П. П. Врангель* – «это был весьма одаренный офицер и общественный деятель..... Но нужно отдать ему должное: талантливый был военачальник, безусловно храбрый, он принял Добровольческую армию, когда уже все Белое дело было проиграно его предшественниками».

В этой связи особенно остро воспринималась проблема насилия как средства политического господства. О красном и белом терроре современниками было написано немало. Все великое множество иллюстративного материала, однако, было представлено исключительно для того, чтобы доказать неизбежность кровопролитий, с одной стороны, а, с другой – извиниться перед народом за содеянное. Русский на-

род представлялся в документах личного происхождения в качестве того самого мифического судьи, у которого все просили прощение за то, что не смогли оправдать надежд этого самого русского мужика. «Народ требовал достоверностей, мы же от достоверностей отворачивались, — каялся С. Я. Эфрон, — Мы предлагали умирать за Родину, народ вожделем землю. Отсюда большая народность даже “Махновщины” с лозунгом — “За землю, за мужиков, против большевиков, буржуев и помещиков”, и ненародность Добровольчества с нашей “Единой и Неделимой”... А народ? Возненавидев большевиков, он не принял и нас, хотя и жаждал власти, порядка и мира. Он пошел своей дорогой — не большевистской и не белой»¹⁶.

С точки зрения тематической направленности в мемуарном блоке документов личного происхождения условно можно выделить несколько групп:

- мемуары-исследования с преобладанием военной проблематики;
- мемуары-исследования с преобладанием политической проблематики;
- мемуары-исследования с преобладанием описания личностного восприятия происходившего;
- мемуары-исследования смешанного типа.

Безусловно, немало было написано воспоминаний с высоким уровнем эмоциональных оценок (раздражение, агрессивность) в первую очередь политических и социально-экономических реалий Гражданской войны. В этом смысле и красные, и белые были равны, потому что в определенной степени отражали исторический ход развития российской государственности в 1917–1920 гг.

Еще более показательны в этом плане литературные произведения (романы, повести, рассказы) современников и участников политического противостояния. Они еще более ярко отражают атмосферу социокультурного кризиса, состояния психологического надлома, переживаемого челове-

ком в условиях политического и социально-экономического надлома России в 1917–1920 гг. В связи с этим на повестке дня с особой остротой встает вопрос о необходимости проведения границы между историей и литературой, между историческими сочинениями и литературными трудами и изысканиями. Где грань между реальностью и вымыслом, или даже умыслом? Ла Карпа отмечал, что, когда «элементарное различие между историей и романом разрушается, появляется миф»¹⁷. И причина актуализации данной тематики суждений обусловлена, видимо, общим наступлением постмодернистски ориентированных мыслителей на классические принципы европейского рационализма. И как вариант разведения литературы и истории можно обнаружить в рассуждениях известного нидерландского философа Франка Анкерсмита. Предложенные им критерии таковы:

а) история предполагает создание знания, а значит, наличие аргументации, в то время как литература требует лишь применения накопленного исторического знания;

б) свидетельства для истории являются средством для общей интерпретации, в то время как в литературе общие знания сами являются средством, используемым для создания сюжета произведения;

в) история создает «точку зрения» или способ видения событий, а литература лишь отталкивается от нее¹⁸.

Подход Анкерсмита интересен и небезоснователен, постольку поскольку он открывает путь для продуктивного решения застарелой проблемы.

Но так или иначе все эти группы документов позволяют современным исследователям собрать информацию о Гражданской войне — отражение реального мира, которое очень разнообразно по своим проявлениям — поэтому предшествующий современному историческому знанию «историографический анализ, традиционно уделявший основное внимание характеру использования источников и проблеме дос-

товерности пресловутых исторических фактов, по необходимости остается далеко не полным, а возможно, даже становится творцом иллюзий. За его пределами остается огромное поле принципов, правил и техник, посредством которых, собственно, и конструируется историческое повествование»¹⁹. В настоящее время критерии поиска и учета информационных данных тесно связаны с характером исследования. Однако обязательные (стандартные) условия сводятся к тому, чтобы эти исторические документы были многообразны, содержательны и конкретны.

Современный уровень развития отечественной исторической науки характеризуется разработкой нового источниковедческого инструментария, использование которого позволит обогатить изучение Гражданской войны новыми открытиями не только фактологического, но и методологического характера²⁰.

Своеобразную триаду базовых средств анализа документальных материалов по истории Гражданской войны составляют:

- количественный контент-анализ (стандартизированные процедуры подсчета выделенных категорий);
- качественный контент-анализ (содержательное изучение текстового материала);
- ивент-анализ (метод анализа событийных данных, который направлен на обработку информации, показывающей, кто говорит или делает, что говорит или делает, по отношению к кому и когда говорит или делает);
- когнитивное картирование (графическое изображение причинных связей между переменными, когда переменные изображаются в виде точки, а связи между ними в виде стрелки).

Использование этих методов позволяет поднять изучение истории Гражданской войны до уровня моделирования политических, экономических и социальных процессов в России 1917–1920 гг. В рамках первой стадии этой работы определяется

объект моделирования и информационное обеспечение исследования. В рамках второй – операционализация имеющейся информации, варианты которой постоянно совершенствуются. В зависимости от целей и задач исследования можно построить три класса моделей:

- содержательные (традиционная практика, в ходе которой исследователь, используя знания, логику и интуицию, создает модель изучаемой ситуации);
- формализованные (графическая форма представления материала и повышение его компактности путем отображения явлений (объектов) с помощью символов);
- квантифицированные (разложение моделируемой ситуации на ряд более простых ситуаций с их обязательным изучением).

Только совокупность таких подходов позволит разобраться в сложных перипетиях Гражданской войны и тем самым приблизиться к пониманию особенностей данного феномена российской государственности. Впрочем, об этом было немало страниц исписано современниками, в том числе и известным эмигрантским историком и публицистом С. П. Мельгуновым. «Надо глубже окунуться в эту пучину социальных отношений и многообразных политических переживаний, – писал он в своем известном эмигрантском исследовании «Трагедия адмирала Колчака», – надо еще больше проникнуться атмосферой эгоистического себялюбия, которые рождала Гражданская война, наряду с подлинным героизмом и жертвенностью; надо ближе подойти к переживаниям народных масс – тогда понятнее станет то, что я назвал трагедией адмирала Колчака. Это была не только личная драма – драма разочарования в людях; драма крушения надежд и разбитых иллюзий. Это была трагедия всей Гражданской войны. Трагедия России и ее народа»²¹. Важность для исследователей Гражданской войны этих слов трудно переоценить.

Уникальность же современной историографической ситуации заключается в плюрализме научных подходов, который формируется в процессе соприкосновения позитивизма, модернизма и постмодернизма²². Все явственнее ощущается потребность в рамках доминирующего социокультурного подхода раскрывать механизм социального взаимодействия в со-

бытиях и явлениях прошлого. Развитие средств массовой информации и коммуникативных технологий усиливает междисциплинарность современного исторического познания. Оно становится частью гуманитарного дискурса, в полной мере демонстрируя глубину и принципиальный характер перемен, происходящих в гуманитарных науках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. — Берлин, 1921; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. — Париж; Берлин, 1921—1926; *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. — Стокгольм, 1921; *фон Дрейер Ф.* Крестный путь во имя Родины. Берлин, 1921; *Денисов С. В.* Записки. Гражданская война на Юге России. 1918—1919 гг. Кн. 1. Январь — май 1918 г. Константинополь, 1921; *Лукомский А. С.* Воспоминания: В 2 т. — Берлин, 1922; *Немирович-Данченко Г. В.* Крыму при Врангеле. — Берлин, 1922; *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. — Мюнхен, 1923; *Авалов П. (Бермонт).* В борьбе с большевиками. — Глюкштадт-Гамбург, 1925; *Оболенский В.* Крым при Врангеле: мемуары белогвардейца. — М.; Л., 1928; Архив русской революции. К. I—XXII. — Берлин, 1921—1937; Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А. А. Фон-Лампе. Кн. I—VII. — Берлин, 1926—1933.

² См.: *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. — М., 1993. — С. 673—686.

³ *Искендеров А. А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. — 1996. — № 4. — С. 11, 30.

⁴ *Шапиро А. Л.* Указ. соч. — С. 686.

⁵ *Рамазанов С. П.* Кризис российской историографии начала XX века: В 2 ч. — Волгоград, 1999. — Ч. 2. — С. 123—139.

⁶ См.: Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005. — С. 32.

⁷ См.: Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Под ред. Э. И. Колчинского. — СПб., 2003.

⁸ Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В. П. Корзун. — С. 33.

⁹ *Репина Л. П.* История исторического знания: Пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — М., 2004. — С. 9.

¹⁰ *Бердяев Н. А.* Духовные основы русской революции. Опыты 1917—1918 гг. — СПб. — С. 108—109.

¹¹ *Кроче Бенедикто.* Теория и история историографии. — М., 1998. — С. 58.

¹² *Сыров В. Н.* Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. — М., 2006. — С. 6—7.

¹³ Источниковедение новейшей истории России теория, методология и практика / Под общ. ред. А. К. Соколова. — М., 2004. — С. 303.

¹⁴ *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. — М., 2000. — С. 165.

¹⁵ *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. — СПб., 1992. — С. 66—67.

¹⁶ *Эфрон С. Я.* Записки добровольца. — М., 1998. — С. 171.

¹⁷ *La Capra D.* History & Criticism. — Cornell Univ. Press, 1985. — P. 129.

¹⁸ *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. — М., 2003. — С. 46—48.

¹⁹ *Сыров В. Н.* Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. — М., 2006. — С. 7.

²⁰ См.: *Боришполец К. П.* Методы политических исследований. — М., 2005. — С. 51—75.

²¹ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Книга первая. Ч. I и II. — М., 2004. — С. 547.

²² *Зимица В. Д.* Предисловие: новые взгляды на старые проблемы // Гражданская война в России, 1917—1922: Лекции и учебно-методические материалы / Отв. ред. С. В. Карпенко. — М., 2006. — С. 4.